

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ БИБЛЕЙСКОЙ МИФОЛОГЕМЫ В ПРОЗЕ Н. С. ЛЕСКОВА

Н. С. Лесков, неоднозначно относившийся к религии, неоднократно подчеркивал, что вера в Бога нужна русскому человеку в качестве некой основы, базы его нравственных представлений. Писатель зачастую цитировал библейский текст, обращался к ветхозаветным и новозаветным образам и мифологемам. Он вряд ли стремился таким образом подчеркнуть энциклопедизм своих знаний, скорее желал привлечь внимание читателя, продемонстрировать неоднозначность своего восприятия того или иного события, поступка, произошедшего как в реальном окружающем его мире, так и в мире художественном. Очевидно, что Лесков, будучи внуком священника и сыном человека, окончившего Духовную семинарию, прекрасно ориентировался не только в Ветхом и Новом Завете, но и духовной литературе в целом. При этом Лесков постоянно подчеркивал, что православие русского народа скорее эмоциональное, чувственное, нежели рациональное, определенное знанием, логикой и разумом. Истинную веру ему еще только предстоит обрести.

Лесков неоднократно писал о том, что любой человек на Руси, прочитавший Библию до конца, – это не просто странный, а даже скорее сумасшедший человек: *«На Руси все православные знают, что кто Библию прочитал и «до Христа дочитался», с того резонных поступков строго спрашивать нельзя; но зато такие люди что юродивые, – они чудесят, а никому не вредны, и их не боятся»* [1, т. VI, 222] («Однодум»); *« – Это, – говорит, вы Библии начитались, а вы Библии-то не читайте. Это англичанам идет: они недоверки и кривотолки. Библия опасна – это мирская книга. Человек с аскетическим основанием должен ее избегать»* [1, т. VIII, 482] («Фигура»); *«И другие тоже пробовали отговаривать тетю, «чтобы не сошла с ума, прочитав Библию»; но она была «неимоверная»: она таки прочитала всю Библию и, разумеется, как следует, – сошла с ума и начала делать несообразности»* [1, т. IX, 288] («Юдоль»). Люди, стремящиеся жить, соблюдая евангельские заповеди, предстают в произведениях Н. С. Лескова как праведники.

Н. С. Лесков неоднократно обращался к Ветхому Завету, в частности к книге Иова. Ветхий Завет привлекает писателя, вероятно, потому, что в нем описан человек, еще не знавший Бога, только предчувствовавший встречу с ним. Для писателя очевидно, что его современники, живущие уже более 18 веков после крещения Руси, еще так и не встретились с Богом, не увидели свет истины, исходящий от него, поэтому те вопросы, которые подняты в книге Иова, так значимы, остры и жизненно необходимы.

Впервые Лесков процитирует книгу Иова в очерке «Леди Макбет Мценского уезда». Он упоминает знаменательные *«советы жены библейского Иова: «Прокляни день своего рождения и умри»* [1, т. I, 140]. Это

своеобразный призыв отказаться от Бога, безропотно принять смерть, не пытаясь противостоять обстоятельствам. Однако Иов, лишившийся всего, что он имел на земле, пораженный проказой, бросает вызов Создателю и получает от Него ответ: Бог призывает Иова покаяться. Е. Новицкий, анализируя данный эпизод из книги Иова, справедливо отмечает: «Богу нужно не чтобы мы повинились, а чтобы мы приняли исцеление и были спасены» [2]. Ответ Бога Иову свидетельствует и о том, что Он готов отвечать человеку, вступать с ним в диалог ради того, чтобы каждый мог не просто раскаяться в содеянном, но и преобразиться, приблизиться к истинному предназначению, о котором пока людям не дано знать.

В очерке «Леди Макбет Мценского уезда» Катерина Львовна умерла до своей физической смерти («...окаменела и с деревянным спокойствием собралась выходить на перекличку», «шла совсем уж неживым человеком» [1, т. I, 139–140]). Для того чтобы вернуться к жизни, ей необходимо было отречься от своей нечеловеческой страсти, а на это у Измайловой не было ни душевных сил, ни веры, которые требуются для духовного возрождения. Да и истинной любви она не ведала, ей была знакома только животная страсть. Поэтому Катерина Львовна выбирает смерть физическую, но это не смирение, а очередной вызов судьбе: Измайлова бросается в воду, захватив с собой новую возлюбленную Сергея Сонетку, и тонет, набросившись на нее, «как сильная щука на мягкоперую плотицу» [1, т. I, 142].

Цитата из книги Иова в данном контексте еще раз подчеркивает, что в массе своей русскому человеку абсолютно неизвестна истина, понятная каждому верующему человеку: «Бог есть любовь». Эта истина, которая, с одной стороны, требует от верующего человека смирения, а с другой – невероятных усилий для того, чтобы научиться любить и тем самым приблизиться к пониманию замысла Создателя.

Одним из эпиграфов к повести «Зимний день» Лесков также поставит цитату из книги Иова: «Днем они сретают тьму и в полдень ходят ощупью, как ночью» [Иов, 5:14]. Второй эпиграф взят писателем из В. Даля: «У Спаса бьют, у Николы звонят, у Егорья часы говорят». Именно сочетание двух эпиграфов способствуют возникновению ряда ассоциаций, порождает новые смыслы произведения, точно отражает настроение самого автора, разочаровавшегося в современной действительности. В умах людей бродят множество идей, кажется, что они чувствуют их, живут ими, а на поверку оказывается, что ни положения христианской философии, ни новые толстовские мысли не стали частью мировоззрения человека. Он продолжает блуждать во тьме, не ведая ответов на самые важные жизненные вопросы.

В повести Н. С. Лескова «Однодум» квартальный Рыжов свои представления о мире и человеке почерпнул из Библии, в частности из книги Исайи. Исайя описывает преображение обычного человека в пророка. К этому сюжету литераторы обращались неоднократно, например, знакомый всем «Пророк» А. С. Пушкина в своей основе имеет именно этот эпизод из Библии. А. П. Лопухин отмечает: «Что касается духовного облика пророка, то этот облик поражает нас своим величием. Исаия вполне убежден, что его

призвал на его высокое служение Сам Господь (гл. 6) и, в силу этого сознания, везде обнаруживает самое преданное послушание воле Божией и безусловное доверие к Сущему. Поэтому он свободен от всяких влияний человеческого страха и интересы людей всегда ставит ниже, чем требования вечной правды Божией» [3].

И хотя Рыжов, *«по его словам, «дышал любовью и дерзновением»* [1, т. VI, 215], а его действия направлены на служение городу и горожанам, в поведении квартального больше ощущается *«дерзновения»*, нежели *«любви»*. Квартальный навел порядок в городе в соответствии с законом *«в поте лица твоего ешь хлеб твой»*, и по тому закону выходило, что всякие лишние *«приставники»* – *бремя ненужное, которое надо отставить и приставить к какому бы то ни было другому настоящему делу, – «потному»* [1, т. VI, 219]. Пророк Исайя же, напротив, народ сравнивает с виноградниками, уход за которыми требует сил, терпения и любви. А вот любовь-то к людям у Рыжова более чем своеобразная – с кулаками. Он пользуется ими всякий раз, как только не внемлют его слову. Рыжов не только мог *«патриархально»* побить свою *«бабу»*, но и своей рукой склонить губернатора, входящего в церковь, *«в полный поклон»* [1, т. VI, 237].

Квартальный Рыжов не просто читает Библию, он пытается осмысливать события, исходя из собственного понимания Писания. Однако его трактовки происходящего более чем прямолинейны, ему не хватает смирения, терпения и любви, он человек, честно исполняющий свой долг, преданный делу, но вера его представляется какой-то схематичной, ходульной, лишенной глубины, жизни и высшего смысла.

В рапсодии *«Юдоль»* Лесков попытался представить именно живую веру, творящую добро и постигающую любовь, при этом писатель отошел от традиционных православных представлений в трактовке библейского мифа. В произведении Лесков обратится к мифу об Иуде, которого назвал *«несчастливым»* человеком, поведал о том, *«что он любил свою родину, любил отеческий обряд и испытывал страх, что все это может погибнуть при перемене понятий, и он сделал ужасное дело, «предав кровь неповинную»* [1, т. IX, 288, 307]. Иуда предстает не просто предателем, любящим деньги, в которого вселился Сатана (традиционная евангельская трактовка), не тем необходимым звеном, которое должно было появиться для того, чтобы Христос умер и восстал из мертвых, чтобы все узнали о его победе над смертью, а именно человеком, способным любить и принесшим себя в жертву ради любви к людям.

В рапсодии *«Юдоль»* писатель неоднократно вводит образ Вифлеемской звезды, символизирующей не только свет истинной веры, не только возможность обретения пути, который приведет к этой истинной вере, но то, что она, видимая всем, на самом деле оказывается непостижимо далекой от осязаемого человеком мира. Такой далекой, как истинная вера. Все слышали о ней, все знают о ней, ее принципы так просты, но почему-то люди, веками полагавшие, что они воистину православные, передававшие

свою веру от отца к сыну, так и не смогли ее по-настоящему обрести. Или удержать.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лесков, Н. С.* Собр. соч. в 11 т. / Н. С. Лесков. – М., 1956–1958.
2. *Новицкий, Е. Иов* / Е. Новицкий [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.sobranie.org/archives/0/18.shtml>. – Дата доступа: 14. 12. 2010.
3. *Лопухин, А. П.* Толковая Библия. Книга пророка Исаии / А. П. Лопухин [Электронный ресурс] // Режим доступа : <http://klikovo.ru/db/msg/702>. – Дата доступа : 14. 12. 2010.